

А.М. Феофанов

УНИВЕРСИТЕТ И ОБЩЕСТВО: СТУДЕНТЫ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА (СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И БЫТ)

A.M. Feofanov

UNIVERSITY AND SOCIETY: STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITY IN XVIII – EARLY XIX CENTURY (BACKGROUND AND MODE OF LIFE)

Ключевые слова: история России конца XVIII - начала XIX века, Московский университет, социальный состав населения, студенчество, социальный состав населения Российской Империи.

Key words: history of Russia of late XVIII – early XIX century, Moscow University, social membership of population, students, social membership of population of the Russian Empire.

Аннотация

В статье говорится о существовании Московского императорского университета в первые десятилетия его существования, конец XVIII - начало XIX века. Затрагивается такой малоизученный вопрос как жизнь студенчества, его социальный состав, быт, культурная жизнь, участие в общественной жизни. Сравниваются условия жизни и обучения в Московском университете с условиями существовавшими в западных, прежде всего немецких университетах.

Abstract

The article tells about Moscow Imperial University in the first decades of its existence (late XVIII – early XIX century). There is touched upon such an insufficiently known problem as students' life, its social membership, mode of life, cultural life, participation in public life. The conditions of life and education in Moscow University are compared to those of European ones, first of all of German universities.

Становление и развитие Московского университета происходило при непосредственном участии государства, которому требовались подготовленные кадры. Выпускники университета пополняли ряды чиновников, военных, становились литераторами, учеными и придворными, т.е. составляли элиту общества. Но университетское образование далеко не сразу приобрело ценность в глазах общества. А именно отношение общества к получению образования и определяло численность учащихся. Конечно, и взгляд общества на университет менялся в зависимости от политики, проводимой государством, и не только в области образования, но и социальной политики. Сам университет как научный и общественный центр оказывал культурное влияние на общество.

Численность и социальный состав. Социальный состав отражает меру связи с университетом различных слоев общества. До сих пор в историографии не получил должного освещения вопрос о численности и социальном составе студентов Московского университета рассматриваемого периода. Все ограничивалось общими фразами о «разночинском характере» Московского университета второй половины XVIII - первой четверти XIX в., с тем, чтобы подчеркнуть его «демократическое» направление.

Выделяются несколько эпох в динамике численности студентов Московского университета. Всплески поступлений связаны с повышением внимания общества к

университету. За всплеском (иногда) следовали падения. Резкий рост числа студентов связан с муравьевским обновлением университета, когда произошло утроение количества студентов.

В начальный период, длившийся до конца 1770-х гг., максимальное число принятых в студенты не превышало 25 человек, а среднее значение составило 15 поступающих за год. С 1780 г. в динамике численности студентов Московского университета ощущаются результаты воздействия начавшегося в 1779 г. «новиковского десятилетия». В 1780-1784 гг. количество поступающих в студенты резко возросло и колебалось от 17 до 54 человек при среднем числе в 37 человек. Значительное число студентов в эти годы были приняты на содержание Дружеского ученого общества.

С 1785 г. в поступлении студентов вновь наступил спад. Московский университет как центр масонского кружка вызывал беспокойство и недоверие правительства Екатерины II, общественные начинания Новикова были подавлены, сам же университет еще не мог самостоятельно обеспечивать себе широкий приток студентов.

Новый период в динамике численности студентов открыл 1803 г., когда одним из результатов университетских реформ стало привлечение общественного внимания к Московскому университету. Количество поступающих с этого момента неуклонно растет: в 1803-1809 г. составляет от 28 до 61 чел., в 1810-1820 - от 70 до 117 чел. Все это свидетельствует о качественном изменении общественного статуса Московского университета после принятия Устава 1804 г. и новой роли студентов в обществе, когда обучение в университете стало рассматриваться необходимым для дальнейшего вхождения в жизнь. С этим же изменением связан и четкий рубеж между 1809 и 1810 гг. под влиянием принятого 6 августа 1809 г. указа об экзаменах на чин. Этот указ устанавливал прямую связь между образованием и производством в чин, требуя от всех желающих получить чины 8 и 5 класса предъявить аттестат, полученный от университета и свидетельствующий о сдаче экзаменов. После принятия указа количество желающих стать студентами резко выросло.

Начав со скромной цифры в 30 студентов и около 15 поступающих в год, Московский университет к 1812 г. вышел на рубеж в 300 учащихся (студентов и слушателей), что вывело его в ряд крупнейших университетов Европы.

Московский университет был всесословным учебным заведением. Невысокая численность студентов Московского университета во второй половине XVIII в. объяснялась прежде всего недостаточным притоком сюда из ведущего российского служилого сословия - дворянства. В глазах российских дворян того времени обучение в университете само по себе не являлось ценностью, изучение университетских наук считалось роскошью, не нужной для дальнейшей службы, да и «самое слово студент звучало чем-то не дворянским». Дворяне охотно учились в гимназии, но вместо продолжения учебы в университете предпочитали поступать в кадетские корпуса или сразу на военную службу. Разночинцы же чаще поступали в духовные учебные заведения, ибо не имели средств для обучения в университете за свой счет.

В Европе точно также путь к высшим государственным должностям дворяне предпочитали пролагать через военную карьеру. Представители благородного сословия «питали непреодолимое отвращение к экзаменам и дипломам, поскольку в отличие от простолюдинов им не нужно было документально подтверждать то, что полагалось им по праву рождения». Можно вспомнить М.М. Сперанского, который резко высказывался об экзаменах на чин, предлагая принимать всякого дворянина в воинскую службу офицером, требуя от них единственно знания начал математики и русского языка.

С начала XIX в. формируется устойчивая тенденция, по которой дворяне составляли не менее половины от поступающих. Эти выводы позволяют значительно скорректировать утверждения о «разночинском» характере Московского университета.

Всего за период от основания Московского университета до начала Отечественной войны 1812 г. нами выявлено по различным данным (указанию сословия при зачислении в университетскую гимназию, титулу, биографическим данным) около 500 дворян и более 400 разночинцев, из общей численности около 1400 человек учившихся в Московском университете данного времени. Отсюда можно заключить, что число дворян составляло более трети от общего числа всех студентов второй половины XVIII - начала XIX в., но вряд ли более половины. Нужно также учесть, что многие выпускники Благородного пансиона, которые являлись дворянами и становились посетителями университетских лекций, оставаясь в ведении пансионского начальства, т.е. фактически студентами, не попадали в публикуемые списки студентов.

Рассмотрим теперь основные социальные группы студентов второй половины XVIII - начала XIX в. подробнее. **Разночинцы.** В эту группу входят дети солдат, мещан, купцов, мелких чиновников (канцеляристов, копиистов, приказнослужителей), реже дети секретарей (правлений, департаментов и духовных консисторий), врачей (штаб-лекарей, лекарей и подлекарей), аптекарей, учителей. Основную же часть разночинцев составляли дети духовенства, в основном сельских священников, реже дьяконов, а также пономарей, псаломщиков и других причетников.

Иногда выходцы из духовного сословия могли иметь тесную связь с другими социальными группами: это были дети священников, чьи предки были дворянами, но по каким-то причинам приняли сан. Например, отец Федора Петровича Лубяновского был из дворянского рода, происходящего от польского выходца, но сам служил священником. Из дворянского рода был и Антон Антонович Прокопович-Антонский, отец которого стал священником в Черниговской губернии.

Крестьяне же в Московском университете в этот период практически не учились (хотя такую возможность им давал «Проект об учреждении Московского университета» 1755 г.): известен лишь пример Гаврилы Журавлева, крепостного бывшего университетского директора князя М.И. Аргамакова. Некоторые крепостные могли учиться в Московском университете по разрешению своих хозяев, но не получив вольной и, соответственно, не будучи студентами. Так обучался в университете крепостной Николай Смирнов, который был дворовым человеком князей Голицыных.

Отдельную категорию студентов среди разночинцев также составляли обер-офицерские дети, в которую входили дети личных дворян.

Дворяне. Среди студентов Московского университета второй половины XVIII в. представлен весь спектр российского дворянства - от столичного до провинциального, от титулованных особ до мелкопоместных семей. Первые титулованные дворяне появились среди студентов Московского университета уже в 1760 г. Это князья Леон Грузинский и Тимофей Гагарин. Мы встречаем также представителей таких фамилий, как Шихматовы, Салагины, Касаткины-Ростовские, Дивеевы. В это же время учился в Московском университете и известный мемуарист, поэт и драматург, князь И. М. Долгоруков.

Разумеется, среди дворян, учившихся в Московском университете, были представители не только аристократических родов, но и широкой массы служилого дворянства. В 1779 г. для привлечения к учебе дворян был открыт Благородный пансион, созданный по инициативе М.М. Хераскова. Вскоре пансион приобрел репутацию ведущего в Москве элитного учебного заведения. Ученики высших классов получали право на посещение университетских лекций. Таким образом, для учащихся Благородного пансиона производство в студенты на рубеже XVIII-XIX в. не противоречило тому, что они продолжали находиться в самом пансионе: такие примеры мы находим в биографиях

братьев Тургеневых, Грамматина, Одоевского. При этом дворяне охотно учились в пансионе, но редко продолжали обучение в самом университете.

В результате деятельности попечителя М.Н. Муравьева в Московском университете и правительственных реформ в сфере образования начала XIX в. не только резко увеличилась численность студентов, но изменился и социальный состав студенчества. С 1807 по 1812 гг. в университет каждый год поступали титулованные дворяне. В списках студентов появились фамилии не только русских князей, но и немецких прибалтийских баронов, таких как Энгельгард, Ридигер, Бистром, Будберг и др.

В Европе представителям третьего сословия университетский диплом открывал путь к государственной (королевской или княжеской) службе¹. В ответ на конкуренцию со стороны образованных простолюдинов, которые служили в государственном аппарате, потребность в образовании возникла и в дворянской среде. В XVIII в. «господствующее сословие, чтобы сохранить свое положение, было вынуждено получать университетское образование»². Лекции профессоров слушает аристократия, в том числе князья, графы, бароны и принцы королевского дома. Титулованная знать составляла в XVIII в. в университетах Вюрцбурга, Тюбингена, Страстбурга и Йены около 5%, в Лейпциге, Гейдельберге и Галле около 7%, а в Геттингене достигала даже 13%³.

Российские же дворяне второй половины XVIII в. рассматривали университет в качестве ступеньки для начала будущей служебной карьеры, причем использовали для этого в основном гимназию (где получали аттестаты, необходимые для производства в чин, чего не было в Европе), а в студенты записывались редко. Поэтому изначально студенчество Московского университета, действительно, имело разночинский характер, хотя доля дворян в нем составляла около одной четверти и была вполне ощутимой. Постепенно социальный состав студентов изменялся в пользу все большей доли в нем дворян, что говорило об укреплении общественного признания университета и его роли для получения образования служилым сословием.

Возраст студентов, зачисляемых в университет. Точный ответ значительно затруднен вследствие несовершенства наших источниковых данных. При отсутствии архива за вторую половину XVIII - первое десятилетие XIX в. мы в наших реконструированных списках студентов можем установить год их рождения только при наличии каких-либо дополнительных данных. Это, во-первых, сохранившиеся в РГАДА ведомости об успехах студентов, учившихся в 1764-1768 гг., в которых наряду с другими данными приводился возраст студентов. Также год рождения известен у тех из студентов, которые стали писателями, государственными и общественными деятелями, и тогда студенческие списки можно дополнить данными из биографических словарей.

Большинство студентов при поступлении в Московский университет имело возраст от 15 до 19 лет. Абсолютный рекорд для второй половины XVIII в. зафиксирован в случае с Евгением Сырейчиковым (в будущем - преподавателем университетской гимназии, получившем там звание экстраординарного профессора философии): он был произведен в студенты из гимназии в возрасте 11 лет в 1768 г., когда студенческий состав был значительно ослаблен после изъятия нескольких десятков студентов для работы в Уложенной Комиссии. В начале XIX в. такие случаи встречались несколько чаще: так в 11 лет поступил в студенты Александр Лыкошин и, по-видимому, его товарищ Грибоедов (если допустить более позднюю из двух возможных дат рождения писателя), причем в 13 лет Грибоедов уже окончил словесное отделение университета его со степенью кандидата, а в дальнейшем продолжал слушать лекции этико-политического отделения.

В целом в XVIII в. студенты были старше (16-18 лет), чем в начале XIX в., а еще старше (как правило, 19 лет и выше) являлись поступающие в университет выпускники семинарий (как писал Д.Н. Свербеев, они уже «брили бороды»). В связи с желанием дворянских семей ускорить продвижение своих отпрысков по чинам в начале XIX в. появилось такое явление как «студенты-мальчики».

Именно Устав 1804 г., закрепивший за званием студента университета права на чин 14 класса, стимулировал дворянские семьи к тому, чтобы отдавать своих детей в студенты как можно раньше (явление, родственное тому, как в XVIII в. дворянские дети с младенчества

числились в полках). То, что при зачислении в университет в начале XIX в. в дворянских семьях ценилось прежде всего звание студента, а не возможность постигать науки, прекрасно передает дневник С.П. Жихарева. «Звание мое не безделица и порадует моих

домашних», - пишет Жихарев, ставший студентом в 1805 г. в 16 лет. «Предчувствую, - продолжает он, - что недолго слушать мне добрых моих профессоров. Отец, обрадовавшись моему 14 классу, торопит службою».

¹ Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей. С. 12.

² Паульсен Ф. Германские университеты. С. 110.

³ A History of the University in Europe. P. 321.

Таким образом, «омоложение» студенчества Московского университета в начале XIX в. связано с притоком в студенты молодых дворян.

Главными проблемами организации студенческого быта являются: выделялись ли студенты как обособленная группа, и с помощью каких атрибутов это осуществлялось. Согласно п. 21 «Проекта об учреждении Московского университета» конечной целью учебы студента является получение им аттестата. Этот аттестат выполнял определенную социальную функцию (чего, как правило, не было в западных университетах) - оказывал «протекцию» при вступлении на службу. Студенты-дворяне в XVIII в. стремились получить аттестат, дававший право на производство в следующий чин. Для разночинцев университет должен был особо «ходатайствовать» об их чинопроизводстве.

Первоначально университет рассматривался государством почти исключительно как учебное заведение для подготовки чиновников, которых можно забирать, не дожидаясь, пока закончится период их обучения. Значительное число студентов, не окончивших курса, определяли на службу в Сенат и др. государственные учреждения, назначали учителями. Так, в 1767 г. в Уложенную Комиссию было взято 42 студента, что нарушило нормальный ход обучения, так как после этого на «высших» факультетах осталось только 5 студентов: 4 на юридическом и 1 на медицинском.

Нормальный ход учебы многих из студентов прервала Отечественная война 1812 г., в период которой многие из них бросали учебу, вступали в ополчение или шли оказывать медицинскую помощь в армию. Среди причин увольнения студентов в этот период встречается уже и желание продолжить образование в других учебных заведениях. Например, Василий Матвеевич Черняев в 1812 г. перешел на медицинский факультет Харьковского университета.

Правила поведения в университете были достаточно строго регламентированы. Первый из внутриуниверситетских актов, регламентирующих быт студентов, был принят в 1765 г. Студентам запрещались ссоры и драки, особенно строго - дуэли и секундантство. Этот проект был в 1765 г. издан под названием «Устав, к наблюдению которого все университетские студенты обязуются письменно». Для приема в студенты требовалось свидетельство «о благонравии». Студенты должны были «одеваться пристойным образом, избегая цинической гнусности, так как и излишнего щегольства», «жить скромно и соразмерно своим доходам, не входя ни в какие долги».

Корпоративным признаком университета являлся мундир. «Университет имел свой мундир, сходственный с мундиром Московской губернии», малинового цвета с синим бархатным воротником и белыми пуговицами. Первое упоминание о введении мундира в университете относится к 1782 г. и связано с празднованием 20-летия восшествия на престол императрицы Екатерины II. Мундир Московской губернии, который должны были носить и профессора, и студенты, тогда представлял собой красный суконный камзол, панталоны до колен, чулки, башмаки и черная треугольная шляпа.

Но далеко не все студенты носили такой мундир. Исключения составляли лишь дни общеуниверситетских торжеств. Из записок Тимковского известно, что «в одеянии студенты не имели никакой определенной формы», даже «университетский мундир не все имели. Каждый, и состоящий на жалованье, одет был, как мог и как хотел». Сам Илья Федорович носил мундир «новгородский синий с черным».

«Формы, - вспоминал Полуденский, учившийся в университете в 1790-х гг., - как теперь, своекоштные студенты не имели, что ж касается до казенных, то они имели

сюртуки и мундиры. В мундирах между разночинцами и дворянами была разница, и, как прежде было сказано, они жили врознь. - Сначала у разночинцев мундир был синий, с красными обшлагами, а у дворян красный с синими обшлагами». На самом деле, разница в мундирах между разночинцами и дворянами была только у гимназистов. «Когда разночинцы гимназисты производились в студенты, - указывает П.И. Страхов, - им малинового цвета платье менялось на зеленое дворянское».

14 октября 1800 г. был официально утвержден собственный мундир Московского университета, отличный от мундиров прочих ведомств - темно-зеленый кафтан, «воротник и обшлага на кафтане малиновые, пуговицы белые, в одной половине с гербом Империи, а в другом с атрибутами учености». 9 апреля 1804 г. постановлением «О мундирах для Московского университета и подведомых оному училищ» был утвержден новый студенческий мундир: «однобортный кафтан темно-синего сукна, со стоячим воротником и обшлагами малинового цвета», украшенный золотым шитьем. Но и в царствование Александра I студенты, в особенности своекоштные, продолжали носить свое собственное платье. По воспоминаниям, «студенты, как казенные, так и своекоштные, ходили в партикулярных платьях, разумеется, почти все в сюртуках и редкие во фраках». И даже еще в 1820-х годах, по воспоминаниям Пирогова, «мундиров еще не существовало».

Ситуация изменилась только в царствование Николая I. При осмотре университета было замечено, что учащиеся «не имеют единообразной и определенной во всех отношениях формы одежды». 22 мая 1826 г. было издано постановление «О дозволении казенным студентам Московского университета иметь на мундирах погончики» «для различия их от своекоштных», а 6 сентября 1826 г. постановление «О мундирах для студентов Московского университета и для воспитанников благородного пансиона и гимназии». Согласно ему, был принят синий однобортный студенческий мундир. Форма нужна была для того, чтобы «учащиеся, имея единообразное платье, приучались к порядку и к будущему назначению своему для государственной службы».

Не менее, а даже и более важным признаком студента, нежели мундир, являлась шпага. В § 23 Проекта об учреждении Московского университета указывалось, что шпага дается студентам «во ободрение», «как и в протчих местах водится». Шпага являлась символом личного достоинства, носили ее дворяне. Таким образом, недворяне, получая звание студентов, как бы уравнивались в правах с благородным сословием. К тому же, в соответствии с Уставом 1804 г., студент университета, поступающий на службу, сразу записывался в 14 класс, дававший права личного дворянства. Поэтому после 1804 г. вручение шпаги уже имело не только символический, но и реальный смысл изменения бывшим разночинцем своего социального статуса. И.М. Снегирев вспоминал о том, как он после производства в 1807 г. в студенты «с детским восхищением надел студенческий мундир, трехуголку и привесил шпагу, которую клал с собою на постель... Мне казалось, что не только родные и соседи, но и встречные и поперечные заглядывались на мою шпагу, а что более всего льстило моему ребяческому тщеславию, будочники и солдаты отдавали мне честь».

Здесь мы видим явное сходство с немецкими университетами. Паульсен отмечает, что если в средние века «схоласта университетские уставы заставляли носить духовное платье, с середины 17 столетия студент как в одежде, так и манерах считал для себя образцом дворянина. А вместе со шпагой, этой необходимой принадлежностью дворянского костюма, в университетский мир проникла и дуэль». Характерно, что в это же время в университетах появляются учителя фехтования (в средние века носить оружие студентам было запрещено). Так «формы жизни дворянства приобретают значение идеала; место средневекового схоласта, клирика-семинариста, занимает академический студент XVII в., играющий роль кавалера».

Согласно § 24 «Проекта об учреждении Московского университета» был учрежден университетский суд. Появление такого университетского суда подтверждало

корпоративную природу первого российского университета: ведь для любого европейского университета такой суд был неотъемлемой принадлежностью и осуществлял право «академической свободы» членов корпорации, согласно которому ни один из них (профессор, студент или даже служащий университета) не был подсуден городским властям, но мог судиться только такими же, как и он, членами корпорации, и только в соответствии с законами, изданными его университетом. Правда, в Московском университете эта норма приживалась плохо и безукоснительно действовала только в отношении студентов, тогда как учителя гимназии во второй половине 1750-х гг. имели несколько столкновений с московским магистратом, пытаясь доказать, что те не имеют права арестовывать их за проступки (в частности, за долги). Университетский Устав 1804 г. подтвердил корпоративное право университетского суда.

О ведении дел в университетском суде в XVIII в. дают представление выдержки из протоколов университетской Конференции. Суд осуществлял директор университета совместно с другими членами Конференции. Наказаниями студентов, нарушавших дисциплину (в основном, из-за драк) были лишение шпаги, заключение на несколько дней в карцер, увольнение с казенной стипендии, наконец, исключение из университета.

Особым родом нарушения университетских предписаний были случаи женитьбы студентов. Хотя ни в каких университетских законах не существовало прямого запрета студенту жениться, однако куратор Адодуров писал: «Уведомился я, что из состоящих на казенном содержании студент Юдин женился... А как ни в одной Академии и в университетах того не бывает, да и студентам не токмо оное неприлично, но и в обучении наукам делает великое препятствие». Студент Юдин был лишен стипендии.

Некоторые студенты бежали из университета. В ордере куратора Адодурова о «беглом студенте» Иване Попове от 30 октября 1768 г. описан как раз такой случай. За свой поступок студент Попов был исключен из университета и отослан в контору Синода, поскольку он происходил из духовного сословия. Таким образом, исключенный студент лишался достигнутого им повышения социального статуса, возвращаясь обратно в свое сословие.

Студенчество в XVIII в. начинает осознавать собственную идентичность, осознавать себя как некую общность, отличную от прочих обитателей города. Это проявлялось, в частности, в столкновениях представителей университета с городскими жителями. Такие стычки начинаются с самых первых лет его существования. Уже в 1757 г. зафиксирована драка гимназистов с «титულлярными юнкерами» (учениками коллегий). Ее зачинщик Петр Аргамаков, сын университетского директора, вместе с другими участниками был арестован и наказан розгами.

«Городская полиция, - вспоминал Пирогов, учившийся в Московском университете в 1824-1828 гг., - не имела права распоряжаться со студентами и провинившихся должна была доставлять в университет». Эта привилегия была отменена указом Николая I от 4 сентября 1827 г. «О поручении студентов Московского университета, живущих вне университета, надзору городской полиции».

Студенты, неспособные учиться на своем содержании, принимались на казенный кошт на основе прошения при условии хорошей успеваемости, хорошего поведения и предъявления свидетельства о бедности, подписанного несколькими лицами благородного происхождения. Первые казеннокоштные студенты получали в год по 40 руб. В 1799 г. их жалованье, которое выдавалось по третям, составляло уже 100 руб. в год. Если число казенных студентов превышало установленное количество, им могла выплачиваться ученическая стипендия, т.е. такая, какую получали казеннокоштные гимназисты. С 1804 г. казенный кошт составлял в год 200 руб., а на медицинском отделении - 350 руб. В казеннокоштные принимались прежде всего те студенты, которых правительство готовило к службе в качестве врачей или учителей. По окончании университета они должны были в

качестве компенсации государству за обучение прослужить не менее 6 лет по ведомству Министерства народного просвещения.

Некоторые студенты жили на квартирах у знакомых или родных. М.А. Дмитриев жил у дяди. По родству с профессором Барсовым на его квартире жил Полуденский. Без помощи знакомых или родственников содержать себя своекоштным студентам было бы достаточно сложно.

Любимым местом студенческих собраний был трактир «Великобритания», где иногда устраивались товарищеские попойки. Вообще студенты часто посещали трактиры. «Очень часто случалось, - вспоминал Дмитриев, - что, возвратясь в час пополудни с лекций, я должен был отправляться пешком обратно или на Тверскую, или на Кузнецкой мост обедать у ресторатора».

В письме из Геттингена брату, А.И. Тургеневу, Николай, отвечая на упрек А.Ф. Мерзлякова, которому «больно было видеть брата друга его часто в кофейной и с Чеботаревым», пишет: «туда ходил я не для шалостей, не для того, чтобы там пить и дурачиться, но для удовольствия, совершенно позволенного. Там часто находил я знакомых, приятелей, разговаривал с ними, пил чай, кофе, читали газеты и более ничего».

«По известному в то время грозному изречению Сандунова: «Самовар - инструмент трактирный и в школе не годится», на этот инструмент наложено было veto, и потому некоторые имели медные чайнички и таким образом утешались чаепитием. Другие убегали для этого дела в трактиры Царегородский (в Охотном ряду) и Знаменский (недалеко от нынешней Казенной палаты). В этих светлых заведениях (теперь уж и следов их нет) некоторые из студентов были постоянными завсегдатями». В трактирах студенты пили не только чай, но и напитки покрепче. «Бывало так: половой подал чай, через несколько секунд ложечка стучит, половой вбегает. Ему говорят: «Поддай еще горячей воды», он схватывает чайник, в котором еще много воды (и не вода нужна) и приносит тот же чайник, будто с водою, но в нем aqua vitae. Видно, тогда кондиции трактирных заведений не позволяли торговать драгоценной влагой, и хозяева боялись соглядатаев, которые без сомнения везде были». Казеннокоштные студенты успевали посетить трактир даже утром перед лекциями.

Жихарев предпочитал другим развлечениям обеды и балы, часто посещал оперу и балет. Воспитанники университета с менее взыскательными запросами развлекались по иному: они участвовали в кулачных боях на Неглинной, где по воспоминаниям И.М. Снегирева, «сходились бурсаки духовной академии и студенты университета, стена на стену: начинали маленькие, кончали большие. Университетам помогали неглинские лоскутники».

Многие студенты любили в праздничные дни гулять в Марьиной роще или Сокольниках. Ляликов вспоминает, что студенты «не пропускали и так называемых монастырских гуляний по их храмовым праздникам. Раз, помню, втроем наняли мы лодку у Москворецкого моста (6 авг.) и поплыли к Новоспасскому монастырю. Плавали также к Воробьевым горам, лакомились молоком и малиной в Марьиной роще и в Останкине».

Посещали студенты и театр. Университетский театр был одним из первых в России. В подготовке спектаклей принимали участие студенты и гимназисты. Театр нес просветительскую миссию, сближая университет с русским обществом. Кроме театральных представлений, давались маскарады тоже на святках или масленице, а «по воскресеньям и праздникам случались иногда вечерние танцы или концерты».

С 1760 г. студенческая труппа становится профессиональной и получает название «Российский театр». В университетском театре начали свою деятельность такие русские актеры, как Троепольская, Лапин, Михайлова и др. В 1776 г. антрепренером Медоксом был создан первый в Москве постоянный публичный профессиональный театр, для которого в 1780 г. Медокс построил большое здание на улице Петровке - Петровский театр. Именно в нем в 1783 г. впервые в Москве была показана комедия «Недоросль» Фонвизина. В состав труппы входили выдающиеся актеры, и в их числе - Петр

Алексеевич Плавильщиков, окончивший в 1779 г. Московский университет. В 1825 г. на месте Петровского театра построено новое здание (ныне Большой театр).

На посещение театра и покупку книг студенты тратили сэкономленные деньги, оставшиеся после платы за учебу, а также заработанные переводами книг и частными уроками.

Важная роль в период пребывания студентов в университете отводилась их церковной жизни. Когда университет помещался в здании Аптекарского дома, студенты ходили на службу в Казанский собор. После того, как университет приобрел дом Репнина, «подле сего места рядом стоявшая по Никитской улице приходская каменная церковь Успения Богоматери, или св. Дионисия Ареопагита, была переименована университетскою и присоединена к нему». 5 апреля 1791 г. была освящена в левом крыле строящегося университетского здания на Моховой церковь во имя св. мученицы Татианы. В сентябре 1817 г. домовым храмом университета стала церковь св. Георгия на Красной горке, а в 1820 г. в ней был освящен придел в честь св. мученицы Татианы.

По воспоминаниям Полуденского, в конце XVIII в. церкви в это время особенной при университете не было, а поочередно учащихся водили в разные приходские храмы.

Как вспоминал Ляликов, студенты «обыкновенно говели на первой неделе Великого поста. Всенощную слушали в большой столовой во всегдашнем присутствии Сандунова и обоих суб-инспекторов. Хор был из своих». «Приобщались мы Св. Таин, - вспоминал он, - в Георгиевской церкви на Моховой. Представьте же себе (меня и теперь это удивляет): во все время, довольно продолжительное, причащения студентов (нас было человек 40, да медицинских вдвое больше) пелену пред подходящими к потиру держали Сандунов и Мудров, как инспекторы». Студенты посещали не только университетскую церковь, но и другие московские храмы. «Вообще нам часто повторяли - ходить к службе в свою приходскую (Георгия на Красной горке) церковь; но все постоянно ходили в соседний Никитский монастырь или кучками куда-нибудь вдаль, например в Донской, Новодевичий». Причинами выбора той или иной церкви служили как красивое пение, так и хорошая проповедь в этом храме. Любителем церковного пения был Жихарев. После обедни, правда, он может отправиться смотреть картинную галерею (покойного князя Голицына) или конские бега.

Студенты проявляли себя и как часть литературного пространства Москвы. В XVIII в. университет включал в себя целый комплекс учреждений. При нем функционировали библиотека, типография и книжная лавка. Именно в университетской типографии стала печататься газета «Московские ведомости», вокруг которой объединились любители словесности. К работе над выпуском этой газеты привлекались гимназисты и студенты Московского университета. «Литературная и типографская деятельность при университете, - пишет Шевырев, - с каждым годом оживлялась более и более. Газеты возбуждали внимательное участие публики. В 1760 году невозможно было найти в книжной лавке полного экземпляра газет за предшествовавший год».

В начале 1760-х годов при Московском университете возникает новая группа периодических изданий - литературные журналы. Университетские издания были задуманы как план воспитания общества путем культурного воздействия на него.

Четыре первых журнала («Полезное увеселение», «Свободные часы», редактором которых был Херасков, «Невинное упражнение» (издавал И.Ф. Богданович), «Доброе намерение»), выходившие при Московском университете в начале 1760-х годов, были изданиями литературными. В них участвовали известные писатели - Сумароков, Херасков, Тредиаковский и обширная группа молодежи, начинавшей пробовать свои силы в творчестве.

В 1771 г. по инициативе куратора Мелиссино в Московском университете было образовано первое его официальное ученое общество - Вольное «российское собрание. Оно было учреждено «для исправления и обогащения Российского языка, чрез издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных, сочинений и переводов,

стихами и прозой». Председателем собрания был сам Мелиссино, замещал его директор университета

М.В. Приклонский. В число членов общества входили многие «знатные особы», такие как княгиня Дашкова, историк М.М. Щербатов, Сумароков и сам князь Потемкин. Заседания собрания проходили очень торжественно и пышно. По описаниям современников, Потемкин сидел за столом, «выставляя напоказ бриллиантовые пряжки башмаков своих, щеголяя ими перед студентами, которые в мундирах, стоя вокруг, присутствовали при этих заседаниях». Вольное российское собрание привлекло к делу просвещения российскую элиту, что позволило оказать значительное влияние на общество и породить множество сторонников, включая Новикова и М.Н. Муравьева.

Общества несколько иного характера появились при Московском университете в 1780-х гг. Их появление связано с деятельностью масонов, прежде всего Новикова и Шварца. Новиков сам являлся питомцем Московского университета, к работе в университете его привлек Херасков. 1 мая 1779 г. университет заключил с Новиковым контракт, по которому университетская типография передавалась ему в аренду на десять лет. Главная цель Новикова заключалась в том, чтобы распространять просвещение, «которое он разумел не иначе, как основанным на религиозно-нравственных началах, преимущественно в духе мистическом». Для перевода иностранных книг он привлекал студентов, оказывая тем самым им существенную материальную поддержку. С 1779 г. он издает в Москве журнал «Утренний свет».

В 1779 г. Новиков познакомился с Шварцем, профессором немецкого языка при университете. Их общими целями были «подготовка учителей в духе масонской этики, внедрение новых правил воспитания». Благодаря их трудам, в 1779 г. была открыта Учительская (Педагогическая), а в 1782 г. - Переводческая (Филологическая) семинарии. Первая из них предназначалась для подготовки студентов к преподавательской деятельности, а вторая - для перевода на русский язык иностранных сочинений. 13 марта 1781 г. в университете, по инициативе Шварца, было открыто первое студенческое общество под названием «Собрание университетских питомцев». Целью общества ставилось «усовершенствование русского языка и литературы» через сочинения и переводы. Многие студенты являлись активными участниками собрания. М.И. Антоновский «сочинил обществу оному устав, правилам коего соображаясь члены сего общества столь хорошо образовались, что, по выходе их из университета и по вступлении в государственную службу, тогда же оказались самыми способнейшими людьми к оной, так что редкий из них ныне служит без отличия (кроме одних гонимых завистию и злобою), менее 4-го класса».

В 1782 г. на масонской основе вокруг университета сложилось Дружеское ученое общество. Оно объединяло более 50 человек. На его иждивении обучались более 20 студентов, среди которых будущие митрополиты Серафим (Глаголевский) и Михаил (Десницкий), профессора П.А. Сохацкий, А.А. Прокопович-Антонский и П.И. Страхов. Именно кружок товарищей Новикова по Дружескому ученому обществу и осуществлял выпуск литературных изданий при университете в 1780-е гг.

В 1781 г. Новиков выпускал «Московское ежемесячное издание», в 1782 г. начинает издаваться журнал «Вечерняя заря», а с 1784 г. - «Покоящийся трудолюбец». Содержание этих журналов главным образом состояло из написанных студентами стихотворений или «рассуждений» на нравственно-философские темы. «Покоящийся трудолюбец» имел явно выраженную оккультно-мистическую направленность, о чем говорит то, что там помещались такие статьи, как «О науке, называемой Кабале», а также давалась положительная оценка известного мистика Сведенборга.

Столь явная пропаганда мистицизма не могла не обратить внимания властей. В указе от 23 декабря 1785 г. Екатерина II писала, что в типографии Новикова печатаются «многие странные книги» и архиепископу Платону было предписано рассмотреть их и испытать Новикова в законе Божием. В результате кружок Новикова подвергся гонениям:

в 1786 г. были закрыты Филологическая семинария и Дружеское ученое общество. В результате студенческая литературная деятельность замерла на несколько лет.

Студенты Московского университета принимали самое деятельное участие в общественно-литературной жизни России. Многие из них были талантливыми писателями, поэтами; некоторые из них стали издателями. Благодаря переводческой деятельности студентов Москва и вся Россия знакомилась с западной литературой. Процесс образования и воспитания продолжался вне стен университетских аудиторий, на частных квартирах. Студенческие кружки формировали новые взгляды, закладывали систему ценностей, таким образом, проходил процесс вхождения студента в общественную жизнь. Так происходила «культурная колонизация» университетом городского пространства.

Таким образом, перенос европейских университетских реалий в Россию состоялся, хотя местная почва создавала определенную специфику. Московский университет, как и европейские, представлял собой корпорацию, признаками которой были относительная автономия, свой суд, мундир и некоторые другие привилегии.

Повседневная жизнь студентов Московского университета еще несла на себе отпечаток тех сословий, откуда они вышли, и о формировании единого «корпоративного» знаменателя в рассматриваемый период пока не может быть речи. В то же время, общение сближало юношей из различных социальных групп, формировало единое пространство идей. В конечном итоге, начальная история студенчества Московского университета в это время свидетельствует о происходившем процессе формирования студенческой корпорации, осознания общности интересов и жизненных задач, что во многом стало характерно уже для студентов середины XIX в.

Университет сближал представителей разных сословий с помощью организации общих форм быта. Хотя в университете среди студентов и профессоров долгое время преобладали разночинцы, он был тесно связан с дворянской культурой.